

ПРИЗНАКИ ЗЛОЙ ДОЛИ

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова

Пряжа злой доли

<https://litres.ru/74307242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Холод под ногтями В тот год весна не пришла. Она умерла где-то по дороге, запутавшись в глухих смоленских мхах, вымороженная жестким сиверко, который дул с севера ровно сорок дней подряд. В деревне Вязники к тому времени кончилась закваска. Старый хлеб, сухой, похожий на прелые древесные опилки, крошился в пальцах и пах сукровицей. Люди в Вязниках молчали. Говорить было нечем: от сухого ледяного ветра губы трескались до мяса, а в гортани застревал тяжелый, вязкий ком из страха и неспитой обиды на небо. Мирон стоял на краю яра, у старого ольховника, и смотрел, как по дну сухой балки ползет туман. Туман был не бел и не сер — он отдавал болезненной зеленцой, точно плесень на давно заброшенном крынке с молоком. От тумана вело паленым воском и прелой конской гривой. — Не ходи туда, Миронка, — прошелестел сзади голос. Мирон не обернулся. Он и так знал, кто стоит за спиной. Власьевна. Единственная старуха на всю округу, которой не требовалось зажигать лучину в сумерках..

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Валентина Садыкова

Пряжа злой доли

Глава

Пряжа злой доли

Глава 1. Глухой тын Вязники стояли обособленно, на высоком сухом мысу между речкой Гниловодкой и темным, неподъемным массивом древнего бора, который старики звали просто — Навым Лесом.

Всего в деревне было четырнадцать дворов. Ни проезжих купцов, ни синодальных урядников здесь не видели годами. Забредали иногда перехожие калеки, но и те старались пройти Вязники до захода солнца: уж больно угрюмо смотрели из-под бревенчатых навесов черные окна изб, да и собаки местной породы никогда не лаяли — только скалились молча, уходя за пленницы при виде чужака.

Мирон пробирался сквозь чащу, чутко прислушиваясь к каждому хрусту. Лес не жил обычным майским шумом. Не цокали синицы, не стучал по сушине дятловый клюв. Слышно было только, как глубоко под землей, под толщей слежавшейся хвои, пробивается и журчит тонкая, как жилка на виске умирающего, струйка воды.

У Чертова Колодезя пахло иначе. Здесь запах прели ме-

шался с тяжелым, сладковатым душком разлагающегося мяса — так пахнет застрявшая в корягах подохшая весной кобыла.

Самого колодца давно не было: сгнивший сруб провалился еще во времена дедов, образовав глубокую, выстланную мхом яму, на дне которой блекло отсвечивала черная, недвижимая вода.

Рада сидела на осклизлом валуне у самого края провала.

На ней была та самая холщовая рубаха с вышитыми по подолу красными ромбами, в которой она ушла из дома в четверг. Но вышивка... Мирон вгляделся и чувствовал, как от затылка к пяткам пробежал ледяной мурашек. Красные нити на подоле шевелились. Они сплетались и расплетались сами собой, образуя то уродливую паучью лапу, то силуэт человеческого черепа без нижней челюсти.

— Рада... — выдохнул он, боясь шагнуть вперед.

Девушка не вздрогнула. Медленно, с едва слышным сухим треском в шейных позвонках, она повернула голову.

Ее лицо, прежде розовое, с легкой россыпью золотистых веснушек на переносице, стало белым, как вымоченный в щелоке холст. А глаза... В них не было зрачков. Вместо них сквозь мутную пленку хрусталика просвечивало нечто темное, густое, похожее на иловую грязь.

— Пришел, Миронушка, — голос ее звучал глухо, будто она говорила из глубокого дубового сундука, накрытого сверху несколькими войлочными кошмами. — А я тебя жда-

ла. Мы тут с бабкой ниточку допрядаем. Чуть-чуть осталось. На саван тебе да на колыбель будущему первенцу.

Только тут Мирон заметил, что за спиной Рады, в тени огромной вывороченной с корнем ели, кто-то есть.

Это была не женщина и не зверь. Вытянутая, несуразно длинная фигура, обернутая в серые, истлевшие тряпки, из-под которых выставлялись костлявые, покрытые чешуей руки. У твари не было лица — лишь сплошная сухая кожа, обтягивающая череп, да провал рта, закопченный сажей, словно печной зев.

Тварь держала в руках прялку. И веретено в ее костяных пальцах крутилось с такой скоростью, что воздух вокруг него свистел, точно летящая стрела.

— Отдай ее, — Мирон медленно поднял топор. Руки его были сухи, но в коленях появилась нехорошая, тошнотворная слабость.

— Забирай, — неожиданно прошипела тварь из еловых теней. Голос её был подобен шороху сухой бересты на пожарище. — Да только помни, залоговый: что из лесу взято без платы — то в доме станет ядом. Ты заберешь невесту, но отдашь то, что у тебя в горнице самое теплое.

Мирон не стал слушать. Он сделал стремительный шаг вперед, схватил Радю за холодное, совершенно невесомое запястье и рванул ее на себя.

Девушка вскрикнула — тонко, как подстреленная птица. Тварь под елью не шелохнулась, лишь веретено с громким

щелчком остановилось. На пол упал обрывок черной нити.

Мирон подхватил Радугу на руки. Она была легкой, точно состояла из одних сухих соломинок и птичьих косточек. Не оглядываясь, ломая сухие ветви и не разбирая дороги, он бросился назад — к свету, к деревне, к людям, которые еще надеялись дожить до тепла.

---Глава 2. Хлеб из пепла

Изба Мирона стояла на самом краю Вязников, у самого тына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.